

О НЕКОТОРЫХ ВИДАХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ И ИХ ПРИРОДЕ

В статье в лингвокогнитивном плане рассматриваются особенности системной организации парадигм предложно-падежных и падежных форм, связанных с выражением обстоятельственных и объектных функционально-семантических категорий. В центре внимания – выявление того, как состав компонентов разных парадигм и их семантико-грамматическая дифференцированность и противопоставительность отражают уровень конкретности или, напротив, абстрактности передаваемых отношений.

Ключевые слова: функционально-грамматическая категория, парадигма, компоненты парадигмы, системная организация.

Непосредственным объектом рассмотрения в настоящей публикации будут падежные и предложно-падежные парадигмы, сформировавшиеся в составе ряда функционально-семантических полей.

Сразу заметим, что понятие «синтаксических» парадигм существенно отличается от понятия парадигмы «морфологической». Морфологическая парадигма предполагает строго определенную *совокупность регулярных формальных видоизменений* практически любого слова, принадлежащего к тому или иному грамматическому классу. Синтаксические парадигмы, определяющие грамматическое своеобразие той или иной функционально-семантической категории, формируются на базе группы слов, характеризующихся *общностью лексического значения*. В большинстве случаев состав их системно организованных компонентов не имеет замкнутого характера, допускает расширение и пополнение. А использование отдельных лексем различной семантики определяет полноту или (чаще!) неполноту предельно возможного состава парадигмы (напомним, что неполнота морфологических парадигм является в русском языке большой редкостью).

В плане традиционной проблематики специфика рассматриваемых нами парадигм представляет интерес *для теории членов предложения* – прежде всего второстепенных. Она (эта специфика) выявляет категориально-грамматический характер членов предложения, поскольку обнаруживает, что с типами функционально-семантического назначения членов предложения связаны определенные системные особенности грамматических форм их выражения.

Не меньший интерес своеобразие синтаксических парадигм представляет в *лингвокогнитивном плане*. Особенно показательны с этой точки зрения различия в выражении таких отношений, которые характеризуются разным уровнем конкретности или абстрактности.

При всей широте практически любого типа функционально-семантического объединения едва ли не самой конкретной парадигмой является парадигма выражения

---

* © Скобликова Е.С., 2012

Скобликова Елена Сергеевна (rusist@ssu.samara.ru), кафедра русского языка Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

пространственных отношений, которой свойственны четкие отношения семантико-грамматической системной противопоставленности своих компонентов.

Центр системы обстоятельств места – категории локальности – составляют предложно-падежные формы, выражающие разные соотношения с пространственным ориентиром в рамках противопоставления общих значений «где» (местонахождение), «куда» и «откуда» (две антонимических разновидности семантики направления – в сторону ориентира («директив») и со стороны ориентира). Ср., например: *в доме – в дом – из дома, на доме – на дом – с дома, за домом – за дом – из-за дома, перед домом – – , под домом – под дом – из-под дома, над домом – – –* и т. д.

При этом при ориентации на конкретный ориентир ограниченного объема и трехмерной структуры парадигма может реализоваться полностью, обнаруживая все свои семантико-грамматические возможности. При использовании в качестве ориентиров объектов обширных и не обладающих трехмерной структурой количество возможных парадигматических противопоставлений сокращается, а в некоторых случаях нейтрализуется. Ср., в частности, названия стран, регионов, иногда и конкретных населенных пунктов, при употреблении которых семантическая противопоставленность форм с предлогами *в* и *на* утрачивается, и, приобретая лексико-фразеологическую или контекстуальную закрепленность, оба предлога начинают выражать значение «в пределах / в границах» данного ориентира. В таких случаях обычно снимаются сразу три соотносительных компонента парадигмы. Так, становится невозможным употребление предлога *в* и соотношенного с ним *из* при нормативном употреблении предлога *на*: *на Урале, на Западе* (но не «в Урале») – *на Урал, на Запад – с Урала, с Запада*. Напротив, употребление предлога *на* невозможно в противопоставлениях типа *в Казахстане, в Прибалтике – в Казахстан, в Прибалтику – из Казахстана, из Прибалтики*. Неполнота парадигмы может затрагивать и другие лексико-грамматические ее компоненты. Так, при названии стран и регионов неестественно и невозможно употребление предлогов *около, рядом с* типа * *около России, * рядом с Россией*.

На втором месте по необходимости конкретности и четкости семантико-грамматических противопоставлений стоит система обстоятельств времени с ее центром – «датировкой» событий – «когда?». Она характеризуется тремя типами соотношения с временным ориентиром, в самом общем виде передаваемыми предлогами *во время* (совпадение с ориентиром) – *до, перед* (предшествование) – *после* (следование после).

Несмотря на прагматическую необходимость точного выражения временных отношений, эти отношения, естественно, более абстрактны по сравнению с пространственными. И заимствование из локальной системы средств сопровождается (особенно в подсистеме выражения совпадения с ориентиром) нейтрализацией по линии употребления не только предлогов, но и падежей. Это проявляется в формах с предлогами *в* и *на*, ср.: *на рассвете* (П.п.) – *в сумерки / в сумерках* (В.–П.п.); *в прошлом году* (П.п.), *прошлый год* (беспредложный В.п.) – *на будущий год* (В.п.); *в семь [часов]* (В.п.) – *в седьмом часу* (П.п.); *в пятницу* (В.п.) – *в апреле* (П.п.) и т. д.

Используются в этой подсистеме и другие пространственные предлоги. Например: *при посадке* (П.п.), *при проверке, между заседаниями* (Т.п.); *за обедом* (Т.п.) – метонимические обозначения.

В то же время темпоральная система «датировочной» семантики скрепляется последовательным противопоставлением *до, перед* (не вполне равнозначных) – *после*.

Однако в единичных случаях и в эти грамматические последовательно оформляемые подсистемы «вторгаются» лексически закрепленные средства выражения предшествования, образуя необычные двучленные вариативные парадигмы: *утром – к утру / под утро / перед утром*. Аналогично: *вечером – к вечеру / под вечер / перед вечером*; но только: *ночью – к ночи*. Эти (хотя и лексически ограниченные) случаи показывают,

насколько далеко заходит семантическая нейтрализация разных форм в условиях метафорического по своей природе использования пространственных форм для выражения более абстрактных темпоральных значений.

Естественно, что всем видам обстоятельств обусловленности присуща еще большая степень абстрактности. При этом они, с одной стороны, характеризуются практически не пересекающимся и достаточно обширным набором форм грамматического выражения; с другой (в рамках каждого типа) — гораздо менее четкой семантической дифференцированностью по сравнению с обстоятельствами места и времени.

Небезынтересно при этом, что парадигмы обстоятельств причины и цели включают в свой состав лексически закрепленные предложно-падежные формы, метафорически перенесенные из пространственной парадигмы «направительных» форм. Так, в составе обстоятельств причины используются предлоги из подсистемы «откуда»: *от страха / со страху, от досады / с досады, из вежливости, из-за неурожая*; в составе обстоятельств цели предлоги из подсистемы «куда»: [купил] *к завтраку / на завтрак / на дорогу*, [купил бочонок, выкопал грядки] *под капусту*.

Особняком стоит заимствование формы с первоначальным значением пути движения: *по неопытности, по рассеянности* — ср. *из-за*.

Характерно, однако, что эти метафорические грамматические «приобретения» используются в большинстве своем на уровне бытовой речевой практики и, как указывалось, лексически ограничено, т. е. с элементами грамматической фразеологизации.

В условиях книжных дискурсов, в высказываниях более абстрактной семантики, в рассмотренных разновидностях обстоятельств обусловленности сформировались достаточно многочисленные производные предлоги, существенно пополнившие состав рассматриваемых парадигм. Так, среди предлогов со значением причины используются: *по причине, вследствие, в связи с, в результате, в итоге, в силу, ввиду, благодаря*. Среди предлогов цели, кроме *для* — основного предлога, специализировавшегося для выражения целевых отношений, используется простой предлог *за* (*за водой, за хлебом, за грибами*), метонимически совмещающий значение цели («для чего») и направления («куда»), а также производные *в целях, с целью, ради, во имя, во славу*. Показательно, что в парадигме обстоятельств уступки, характеризующихся еще более абстрактной семантикой, грамматических «заимствований» из пространственной парадигмы практически нет (исключение — фразеологизированная форма *против ожидания*). В составе обстоятельств условия с пространственными формами коррелирует только предлог *при* (на основе общего значения «совмещения» с определенным событием). Специфичным антонимическим противочленом в этой сфере является предлог *без*. Ср.: *при необходимости / в случае необходимости / в условиях необходимости нужно... — без необходимости не следует...*

Не менее показательным, что знаменательные слова в составе обстоятельств обусловленности имеют обычно отвлеченный характер: чаще всего это абстрактные существительные или глагольные формы (деепричастия, употребляемые для выражения разного типа отношений обусловленности, или инфинитив, функционирующий при выражении цели). Обозначения лица в прямом смысле используются лишь при обозначении цели: *для кого / ради кого*. А в составе обстоятельств причины они имеют метонимический характер: «из-за меня», например, может имплицитно дурной поступок, связанные с человеком неблагоприятные обстоятельства — некие событийные факторы.

В целом грамматический состав обстоятельственных парадигм неизменно обнаруживает многокомпонентность. Но в зависимости от уровня конкретности или абстрактности общего значения определенного типа обстоятельств эта многокомпонентность в одних случаях демонстрирует богатую семантическую дифференцированность

в выражении общего значения — в первую очередь это свойственно категории локальности. Центр парадигмы расширен здесь за счет пополнения наречиями и другими компонентами, образуя комплексы, близкие по своим функциям к предлогам. См., например, грамматикализованные сочетания типа *слева от...* — *справа от...* — *в двух шагах / километрах / минутах ходьбы от...* и т. д.

В темпоральной парадигме грамматическая многокомпонентность обусловлена тем, что в подсистеме форм, выражающих совпадение с временным ориентиром, наблюдается употребление многообразных нормативно-фразеологизированных форм, никак не противопоставленных друг другу по выражаемому грамматическому значению, а подчас и с одинаковым лексическим наполнением. Ср. приводившееся выше: *на будущий год* (В.п.) — *в будущем году* (П.п.); *прошлый год* (беспредложный В.п.) — *в прошлом году* (П.п.) и др. Любопытно, что если сам временной ориентир обозначен метонимически, то в составе парадигмы оказываются и компоненты, «предполагающие» использование разных форм с одним и тем же общим значением. Ср., например: *на конференции* — *за уроком / на уроке* — *при посадке* — *в войну* и *во время конференции / урока / посадки / войны*.

При выражении обстоятельств обусловленности отсутствие семантических различий при использовании разных, в том числе лексически закрепленных и, соответственно, фразеологизированных форм, имеет массовый характер. В одних (очевидно, наиболее «архаических») — немногочисленных! — случаях разные формы вообще однозначны (*от страха / со страху; с досады / от досады; к завтраку / на завтрак; в дорогу / на дорогу* и под.). Реже прослеживается определенная семантическая специализация. Так, предлог *из* употребляется только для выражения психологической («внутренней») причины поведения человека: *из вежливости, из мести, из милости, из жалости, из озорства*. Предлог *из-за* специализировался для выражения причин отрицательных ситуаций: *из-за болезни, из-за спешки, из-за невнимательности* (ср. по невнимательности), а метонимически: *из-за меня, из-за отца* и под.

В целом в парадигме обстоятельств причины и цели многокомпонентность связана, с одной стороны, с метафорическим (по происхождению) традиционным использованием разных форм пространственной парадигмы, с другой — с формированием производных предлогов, часто призванных на основе своего первичного лексического значения эксплицировать и дифференцировать разные оттенки причинной семантики. Ср., например: *в связи с..., в зависимости от..., в результате, по причине, вследствие*. А с другой стороны — уже «деэтимологизированные» *ввиду, в силу*.

Принципиально интересно поставить вопрос о синтаксической парадигматике применительно к выражению объектных отношений.

На первый взгляд это не совсем правомерно. В падежном или предложно-падежном оформлении типичных объектных отношений едва ли не ведущую роль играет фактор синтагматический. Употребление определенной формы выразителя объекта постоянно (но по-разному) зависит от связи с определенным главным словом. Ср.: *выучить [английский] язык* — *научиться языку* — *овладеть языком; изучать язык* — *изучение языка* и т. д. Однако с учетом лексико-семантического характера главного слова можно говорить о падежной или предложно-падежной парадигматике в составе словосочетаний с определенными ЛСГ главных слов. Кстати, в отличие от компонентов обстоятельственных парадигм, в большинстве своем автосемантических, зависимые компоненты объектных словосочетаний сугубо синсемантически: конкретный характер их объектного смысла раскрывается только в сочетании с определенным главным словом. Ср., например, значения одной и той же словоформы в сочетании с разными словами:

книгу	}	читать
		просматривать
		иллюстрировать
		купить
		подарить
		положить [на полку]
		поднять
разорвать и т. д.		

О четко обрисованных «объектных» парадигмах правомерно говорить, очевидно, только по отношению к словосочетаниям с определенными, а в некоторых случаях и достаточно узкими ЛСГ в качестве главных слов, что мы постараемся показать ниже. Но в общих тенденциях выбора зависимой формы прослеживаются и достаточно широкие закономерности, которые (в иных проявлениях) мы констатировали в выражении обстоятельственных значений. Говоря о таких тенденциях, мы имеем в виду различия, связанные со степенью конкретности или абстрактности выражаемых отношений. Так, независимо от принадлежности к разным ЛСГ, глаголы конкретного действия очень широко сочетаются с винительным прямым объектом. Например: *открыть, сварить, помыть, отрубить, принести, удлинить, распороть, вскопать, погасить, выбросить, застегнуть, накрыть, схватить, отодвинуть* → *что*.

С другой стороны, при абстрактной семантике глаголов ряда ЛСГ наблюдается тенденция к использованию разных форм. Так, при глаголах желания, стремления нормативно закреплены формы, отчасти метафорически мотивированные направительным директивным значением «куда?», отчасти – формы со значением темы (речи, мысли), отчасти – с общим объектным значением. См., например: *стремиться* → *к чему*; *надеяться / уповать* → *на что*; *мечтать* → *о чем*; *хотеть, желать* → *чего*.

Характерно, что на фоне этих различий зависимых компонентов общность семантики и управляющих глаголов, и моделей образуемых ими словосочетаний подтверждается тем, что все соответствующие глаголы (кроме «уповать») способны сочетаться с инфинитивом. Ср.:

<i>стремится к отъезду</i>	}	<i>уехать</i>
<i>надеется на отъезд</i>		
<i>мечтает об отъезде</i>		
<i>желает, жаждет отъезда</i>		

Формальным многообразием моделей характеризуется парадигма словосочетаний с глаголами эмоционального отношения к объекту. Зависимые компоненты с объектным значением здесь могут выражаться четырьмя беспредложными падежными формами (Т., Д., Р., В.) и пятью предложно-падежными (*на + В., в + П., за + В., перед + Т., о + П.*).

В то же время функционально-семантическая общность разноформленных конструкций обнаруживается в возможности синонимической трансформации, при которой все объектные компоненты заменяются именительным падежом подлежащего, обозначающего при соответствующем сказуемом субъект воздействия на человека. Ср.:

Восхищаюсь его выдержкой	Меня восхищает его выдержка
Удивляюсь его выдержке	...удивляет его выдержка
Страшусь неизвестности решения	...страшит неизвестность ...
Он презирает ложь	Ложь вызывает его презрение
Сержусь на его неуступчивость	...сердит его неуступчивость
Я беспокоюсь о его задержке	...беспокоит его задержка
Сомневаюсь в его правдивости	... правдивость вызывает сомнения
Беспокоюсь за него	Он меня беспокоит
Преклоняюсь перед его мужеством	Его мужество вызывает преклонение

В большинстве случаев традиционно закрепившиеся в данном употреблении многообразные формы в современном русском языке практически утратили семантическую мотивированность. Ср. приведенные выше модели типа *стремиться к чему, надеяться на что, мечтать о чем*, в которых первоначально эта мотивированность была.

Показательно, что в обширной парадигме словосочетаний более широкой семантики, в которых при глаголах речи обозначаются адресат речи, состав моделей (при неизменной синтагматической обусловленности!), адресат более однороден и более мотивирован с точки зрения закрепления определенной формы (или неупотребительности компонента, выражающего адресованность¹).

Преобладающим в этой системе является употребление дательного адресата: *сказал, ответил, возразил, напомнил, сообщил, рассказал, объяснил, жаловался, приказал, велел, советовал* и т. д. → **кому**.

Вместе с тем при глаголах, (по-разному!) предполагающих более интенсивное речевое воздействие, используется винительный прямого объекта и изредка (метафорически) «направительная» форма *на кого*. Среди таких глаголов, с одной стороны, лексемы достаточно нейтральные с точки зрения интенсивности воздействия *спросил* → **кого** (ср., *спросил у кого, осведомился, поинтересовался* → **у кого**); с другой стороны, глаголы, выражающие как раз воздействие интенсивное: а) *уверял, убеждал* → **кого**; б) некоторые глаголы побуждения: *уговаривал, отговаривал, призывал, заставлял, торопил* → **кого**; в) глаголы положительного и отрицательного эмоционального воздействия: *утешал, успокаивал, ругал, бранил, упрекал* → **кого** (но и *выговаривал, пенял* → **кому**). Ср. употребление формы **на + В.п.** в сочетании с глаголами эмоционально-отрицательного речевого воздействия: *ругался, ворчал, набросился, кричал* → **на кого** (в сочетаниях, предполагающих просто коммуникативно заданную громкость речи: *кричал* → **кому**) и т. д.

Отдельные группы глаголов, обозначающих сам факт речи субъекта, характер ее произнесения или коммуникативного содержания, с формами, указывающими на адресата, сочетаться не способны. См., например: *проговорил, промолвил, пролепетал, изрек, отозвался, добавил, резюмировал, настаивал, подчеркнул, парировал* и др.

Несомненно, что парадигмы объектных конструкций, связанных с употреблением в роли главных компонентов слов определенных ЛСГ-групп, представляют, с одной

¹ См. таблицу с данными о сочетательных свойствах глаголов речи в нашей монографии «Согласование и управление в русском языке» (М., 1971; М., 2005. С. 161–166).

стороны, когнитивный интерес, поскольку обнаруживает диалектическую гибкость человеческого мышления, его способность фиксировать в грамматических моделях разные стороны выражаемых отношений. При этом нормативно-фразеологическая фиксация этих разных сторон, во многом стихийно складывавшаяся веками, свидетельствует о соответствующих процессах как о процессах, формирующих специфические свойства естественных языков в их отличии от попыток создавать более логически последовательные, но и более обедненные языки искусственные.

С другой стороны, рассмотрение грамматически сложных парадигм выражения объектных отношений с неизбежным вниманием к факторам синтагматического своеобразия соответствующих моделей безусловно значимо в практическом отношении, особенно в условиях изучения языка неродного.

E.S. Skoblikova*

ABOUT THE TYPES OF SYNTACTIC PARADIGMS AND THEIR ORIGIN

Using the principles of linguistic and cognitive theories, the paper studies peculiar features of the systemic organization of the nominal paradigms expressing the functional and semantic relations of the object and adverbial modifier. Formally the paradigms are composed of nouns combining prepositions and case inflexions or nouns in various case forms. The focus of the paper is to find out how such factors as the variety of constituents in different paradigms, semantic and grammatical differences of these constituents and oppositions existing between them make the relations above mentioned concrete or abstract.

Key words: functional and grammatical category, paradigm, components of a paradigm, system organization.

---

* *Skoblikova Elena Sergeevna* (rusist@ssu.samara.ru), the Dept. of Russian Language, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.